

На правах рукописи

Захарова Екатерина Владимировна

**ИНТЕГРАЦИЯ СУБСТРАТНЫХ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ТОПОНИМОВ
В РУССКУЮ ТОПОСИСТЕМУ
ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург – 2015

Работа выполнена в секторе языкознания ФГБУН Институт языка,
литературы и истории Карельского научного центра Российской
академии наук

Научный руководитель: **Муллонен Ирма Ивановна**
доктор филологических наук, профессор,
вр. и. о. директора ФГБУН Институт языка,
литературы и истории Карельского научного
центра РАН

Официальные оппоненты: **Дмитриева Татьяна Николаевна**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и общего
языкознания ФГАОУ ВПО «Уральский
федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Муслимов Мехмет Закирович
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник отдела языков народов
России ФГБУН Институт лингвистических
исследований Российской академии наук

Ведущая организация: ФГБУН Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук

Защита состоится 15 декабря 2015 года в 16 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.055.01 при ФГБУН Институт
лингвистических исследований Российской академии наук по адресу: 199053,
г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН
Институт лингвистических исследований Российской академии наук по
адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9 и на сайте
<http://iling.spb.ru/dissovet/theses/zakharova/thesis.pdf>.

Автореферат разослан 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

В. В. Казаковская

Диссертация посвящена исследованию субстратной прибалтийско-финской топонимии Восточного Обонежья. В работе выявлен континуум субстратных географических названий и описаны адаптационные механизмы в области фонетики, морфологии и лексико-семантических отношений, позволившие топонимам иноязычного происхождения интегрироваться в русскую топонимическую систему региона. Обозначенная территория представляет собой западную окраину Русского Севера, культурные традиции и языковые особенности которой сформировались в ходе славянского освоения территорий с финно-угорским населением.

Актуальность исследования. Выявление иноязычных элементов в топонимике Восточного Обонежья, а также описание и анализ механизмов их адаптации к русской топонимической системе, сложившихся в ходе обрусения прибалтийско-финского населения в результате длительных языковых контактов с представителями славянского этноса, способствует решению актуальных вопросов, связанных с проблемами субстрата, межкультурного и межъязыкового взаимодействия, истории освоения и этнических истоков севернорусского населения региона.

Обращение к теме продиктовано, помимо отсутствия комплексного исследования субстратной топонимии Восточного Обонежья и ее интеграции в русскую топонимическую систему, также значительным корпусом не получивших описания географических названий прибалтийско-финского происхождения данной территории при нарастающих тенденциях забвения.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) представлен опыт выявления закономерностей интеграции субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья; 2) описаны механизмы адаптации иноязычных географических названий к правилам и нормам принимающей русской топонимической системы на фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом уровнях; 3) в научный оборот введен обширный полевой топонимический материал (765 топонимов); 4) предложены новые этимологии для отдельных топонимов, а

также внесены уточнения и дополнения к уже существующим этимологическим решениям; 5) предпринята попытка этноязыковой, ареальной и хронологической дистрибуции ряда субстратных топооснов; б) на основе очерченных ареалов бытования субстратных прибалтийско-финских топонимных моделей сформулированы выводы, касающиеся истории освоения обозначенной территории.

Объектом исследования является субстратная топонимия прибалтийско-финского происхождения территории Восточного Обонежья (представляющая собой один из пластов многослойного топонимикона исследуемого региона), в которой выделяются названия карельского и вепсского типов, подвергшиеся русской адаптации.

Предметом данного исследования выступают адаптационные механизмы, позволившие субстратным прибалтийско-финским топонимам интегрироваться в русскую систему именования географических объектов.

Цель исследования заключается в комплексном описании субстратной прибалтийско-финской топонимии Восточного Обонежья и процесса ее интеграции в русскую топонимическую систему.

Задачи работы:

1. Охарактеризовать специфику топонимии Восточного Обонежья, определить долю субстратного компонента и его этноязыковые истоки.
2. Провести анализ субстратной топонимии исследуемого региона, рассмотрев структурные типы географических названий прибалтийско-финского происхождения.
3. Выявить набор типовых субстратных топооснов, раскрыть семантико-мотивационное своеобразие топонимии исследуемой территории.
4. Проанализировать фонетические соответствия и альтернации, возникшие в процессе интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему, а также выявить те фонетические явления, которые могут служить надежными маркерами в дифференциации языковых источников.

5. Рассмотреть механизмы структурной адаптации с точки зрения отражения в них этнической истории освоения обозначенного региона.

6. Выявить в субстратной топонимии Восточного Обонежья модели именования географических объектов, свойственные разным этноязыковым коллективам, очертить их ареалы и определить хронологические рамки бытования.

7. Проанализировать связь между этноязыковой и ареальной характеристиками субстратной прибалтийско-финской топонимии исследуемой территории.

Основным **источником материала** исследования стали данные Научной топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, ГИС «Топонимия Карелии» и картотеки СПбГУ¹. По территории Плесецкого и Каргопольского районов Архангельской области использовались данные картотеки Топонимической экспедиции УрФУ (г. Екатеринбург). Привлекались материалы Национального архива Республики Карелия, данные топографических карт, а также полевые записи, произведенные автором в экспедициях в Плесецком районе Архангельской области в 2013 г. и в Пудожском районе Республики Карелия в 2013 и 2014 гг. Сбор материала осуществлялся с параллельной фиксацией топонимической информации на топографических картах масштаба 1 : 50000. В сопоставительных целях привлекались данные смежных с Восточным Обонежьем районов Республики Карелия, а также Вологодской и Архангельской областей. Общий корпус географических названий исследуемой территории составляет более 15800 единиц хранения, из которых около 4000 – фиксации субстратных топонимов.

Теоретической основой диссертации послужили работы, посвященные вопросам ономастики, лексикологии, языковых контактов и субстрата. В методологическом плане важны исследования А. К. Матвеева,

¹ Полевой сбор на территории Пудожского района Республики Карелия осуществлялся сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН в 1980-е гг., сотрудниками СПбГУ – в 1970-е гг.

И. И. Муллонен, Н. В. Кабининой, Д. В. Кузьмина, Н. Н. Мамонтовой, С. А. Мызникова, А. Л. Шилова, Э. Кивиниеми, Я. Саарикиви и П. Рахконена.

Методы исследования: в работе применялись традиционные для ономастики методы исследования – описательный, структурно-словообразовательный, этимологический, сравнительно-сопоставительный, статистический, картографический и дистрибутивный. Кроме того, использовались методики мотивационного, ареально-типологического и этнолингвистического анализов. **Методы сбора материала** для исследования включали сплошную выборку из картотек, архивных источников и исследований, а также полевой сбор со специальным вопросником и топографическими картами.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке таких топономастических проблем как выделение фонетических, морфологических, лексико-семантических критериев дифференциации и ареальной дистрибуции языковых пластов субстратной топонимии. Полученные результаты расширяют представление о механизмах контактирования топосистем, восходящих к разным языковым семьям.

Практическая значимость исследования. Комплексный анализ субстратной прибалтийско-финской топонимии и механизмов ее интеграции в русскую топосистему может быть учтен при интерпретации топонимии других территорий, а также при решении вопросов, касающихся дорусского периода в истории Русского Севера и роли прибалтийско-финского компонента в формировании севернорусского населения региона. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в разработке спецкурсов и спецсеминаров по ономастике, а также в работе над составлением топонимических словарей, карт и атласов. Созданная в ходе работы над диссертацией «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (2012–2013 гг.), включающая более 7000 топонимов с географической

привязкой к растровым и векторным картам разного масштаба, является составной частью геоинформационной системы «Топонимия Карелии».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Топонимия Восточного Обонежья, помимо исконно русских названий, включает в себя значительный субстратный компонент (более 25 % от общего количества топонимов). В субстратной топонимии исследуемой территории выделяется три основных пласта: 1) древний финно-угорский досаамский; 2) географические названия саамского типа; 3) прибалтийско-финский, включающий в себя названия карельского и вепсского типов.

2. Субстратная топонимия прибалтийско-финского происхождения представлена следующими структурными типами: 1) топонимы с субстратными основой и формантом; 2) топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом; 3) топонимы с субстратной основой и русским аффиксом. При этом господствующим типом являются топонимы-полукальки (более половины из рассматриваемых в работе), необходимым условием функционирования которых было осознание их структурного членения и знание языка-источника пользователями топонимии, что было возможно при билингвизме местного прибалтийско-финского населения.

3. Среди выявленных 8 семантических групп лексики, представленной в виде топооснов («Ландшафт», «Флора», «Фауна», «Квалитативные топоосновы», «Положение объекта в пространстве», «Человек», «Хозяйственная деятельность и промыслы», «Духовная культура»), ведущая роль принадлежит географическим апелляциям, что обусловлено топографическими особенностями северного ландшафта, а также спецификой хозяйственной деятельности населения края.

4. Бóльшая часть фонетических альтернатив в субстратной топонимии Восточного Обонежья отражает специфику развития фонетической системы прибалтийско-финских языков, а также время усвоения субстратной топонимии русской топорсистемой. Ряд фонетических альтернатив

характеризует диалектные особенности севернорусских говоров; другие приобретают функцию дифференцирующих маркеров, позволяющих установить язык-источник географических названий.

5. Суффиксация как способ адаптации субстратных топонимов малопродуктивна и в большей степени, чем калькирование, связана с процессом приспособления иноязычных названий к русской системе именования географических объектов, а не субстратными отношениями. Сосуществование в одном ареале нескольких суффиксальных моделей адаптации применительно к одному виду географических объектов свидетельствует о разных путях их проникновения и времени функционирования в Восточном Обонежье, а также обнаруживает лингвистические корреляции маршрутов и этапов освоения субрегиона славянами.

6. На основе лингвогеографического анализа в топонимии Восточного Обонежья выявлены модели именования вепсского типа, представленные вдоль основных путей освоения территории (р. Водла, оз. Водлозеро, точечно – восточное побережье Онежского озера и оз. Кенозеро), происходившего на рубеже I–II тысячелетий н. э. Карельские топонимные модели, появившиеся в результате массового переселения карелов из Северо-Западного Приладожья в XVII в., фиксируются вдоль восточного побережья Онежского озера, в Колодозерье, Водлозерье и в Кенозерье. Ряд топооснов, ареально связанных с Белозерьем и не соотносящихся с данными указанных прибалтийско-финских языков, свидетельствует о доприбалтийско-финском прошлом края.

7. По конфигурациям ареалов выявленных топонимных моделей Восточное Обонежье представляет собой периферийную территорию, что объясняется географическими особенностями – привязкой к транзитному водному пути вдоль реки Водлы.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседании сектора языкознания

Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, а также на следующих международных и региональных научных конференциях: XLI, XLII, XLIV Международная филологическая конференция (СПб., СПбГУ, 2012, 2013, 2015); Шестнадцатая ежегодная международная научно-практическая конференция АДТИТ–2012 «Культурное наследие и информационные технологии. Музей как информационная система» (Петрозаводск, Карельский филиал РАНХиГС, 2012); Международная конференция «Прибалтийско-финские языки, культуры и *genius loci*» (Тарту, Тартуский университет, 2013); X Конгресс этнографов и антропологов России (М., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2013); Международная научно-практическая конференция «Кенозерские чтения – 2013» (д. Вершинино, Кенозерский национальный парк, 2013); VII Международная научная конференция «Язык, культура, общество» (М., Президиум РАН, 2013); V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, ПетрГУ, 2014); Двенадцатая Каргопольская научная конференция «XVII век в истории и культуре Русского Севера» (К 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов Каргопольской крепостью) (Каргополь, Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2012); Научная конференция «Бубриховские чтения» (Петрозаводск, ПетрГУ, 2012, 2013); Шестые Шёгреневские чтения «Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3» (СПб., Российский этнографический музей, 2013); Седьмые Шёгреневские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт» (СПб., Российский этнографический музей, 2015); VII, IX научная конференция «Краеведческие чтения» (Петрозаводск, КарНЦ РАН, Национальная библиотека РК, 2013, 2015).

По теме исследования опубликовано 14 работ объемом 6,34 п. л., из которых 3 (1,77 п. л.) представлены в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ: Труды Карельского научного центра Российской

академии наук. Серия: Гуманитарные исследования (57397); Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки (66094); Вопросы ономастики (42299).

Структура работы. Диссертация объемом 234 страницы состоит из Введения, двух глав, Заключения, списка использованной литературы и источников (215 наименований, из них 32 – на иностранных языках), перечня сокращений и Приложения, включающего в себя список рассмотренных субстратных топонимов. В основной текст работы включено 14 карт ареалов отдельных топонимных моделей².

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна темы, обозначаются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи; описываются источники топонимического материала, послужившего основой исследования, и методы исследования; обосновывается теоретическая и практическая значимость работы; характеризуется структура диссертации; излагаются положения, выносимые на защиту, описывается апробация результатов. Представлена географическая и историческая характеристика региона, а также основные этапы его этнического освоения.

Глава 1 «Субстратная прибалтийско-финская топонимия Восточного Обонежья» представляет собой комплексный анализ названий географических объектов прибалтийско-финского происхождения, в ходе которого определены структурные типы субстратных топонимов, выявлены и проанализированы лексико-семантические группы типовых топооснов, использовавшихся в образовании топонимов, установлены некоторые мотивационные, лингвогеографические и этноязыковые закономерности. В разделе 1.1. «Понятие субстрата в топонимии» топонимический субстрат рассматривается как результат длительного языкового взаимодействия, в

² Ряд топонимических карт был подготовлен в рамках настоящего исследования, часть карт, иллюстрирующих ареалы бытования отдельных топонимных моделей, была дополнена материалами с территории Восточного Обонежья в рамках проекта «Топонимический атлас Карелии» (сектор языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, руководитель – И. И. Муллонен).

процессе которого автохтонное население постепенно перешло на язык пришлого. Доказывается, что значительный пласт русской по употреблению топонимии Восточного Обонежья восходит к дорусскому периоду освоения региона, являясь наследием этносов, некогда его населявших. Характерными признаками, отличающими субстрат от заимствования, являются значительный массив материала даже на микротопонимическом уровне, хорошая освоенность его русской топонимической системой, а также отразившиеся в средневековых письменных источниках³ свидетельства о двуязычии населения, которое является главным условием появления субстрата.

В разделе 1.2. «Субстратные пласты в топонимии Восточного Обонежья» выявляются основные слои субстратной топонимии исследуемой территории: 1) древний финно-угорский досаамский пласт названий, включающий значительную часть гидронимов – названий подавляющего большинства рек и наиболее крупных озер края, таких как *р. Водла*, *оз. Водлозеро*, *р. Отовжа*, *оз. Отовозеро*, *р. Вама*, *оз. Вамозеро*, *р. Колода*, *оз. Колодозеро*; 2) географические названия саамского типа, называющие относительно крупные и значимые объекты – *пролив Чёлма*, *оз. Челмозеро*, ср. саам. *čoaľ'bme* ‘пролив’⁴; *зал. Нюхпоча*, *руч. Нюхручей*, *оз. Нюхчозеро*, ср. саам. *njuhčč* ‘лебедь’; *оз. Янгозеро*, ср. прасаам. **jēŋke* ‘болото’; 3) прибалтийско-финский пласт названий, представленных как в более древней и устойчивой во времени гидронимии, так и в более молодой и изменчивой микротопонимии – *оз. Лагнозеро*, *руч. Лагноручей*, ср. карел. *lahna*, вепс. *lahn* ‘лещ’⁵; *мыс*, уг. *Нагришнаволок*, *зал. Нагришлахта*, ср.

³ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. – Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 57–254.

⁴ Здесь и далее значение саамских слов дается по: Itkonen, T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. – I–II. – Helsinki: SUS, 1958. – 1236 s.; Lehtiranta, J. Yhteissaamelainen sanasto. – Helsinki: SUS, 1989. – 180 s.

⁵ Здесь и далее значение карельских слов дано по: Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koronen, M. Torikka, L. Joki. – Helsinki: SUS, 1968–2005; значение вепсских слов дано по: Зайцева, М. И., Муллонен, М. И. Словарь вепсского языка. – Л.: Наука, 1972. – 746 с. Часть лексических данных по карельскому и вепсскому языкам приводится по: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. – 346 с.

карел. *nakris, nagris, nagriš*, вепс. *nagriž* ‘репа’; дер. *Варишпельда*, зал. *Варишлахта*, уг. *Варишбор*, ср. карел. *varis, variš*, вепс. *variš* ‘ворона’.

Под прибалтийско-финским топонимическим субстратом подразумевается топонимия вепско-карельского типа (раздел 1.2.1.), которую в силу значительного сходства карельской и вепсской языковых систем в ряде случаев дифференцировать не удастся: оз. *Кивозеро*, ср. карел., вепс. *kivi* ‘камень’; оз. *Маймозеро*, ср. карел. *maima*, вепс. *maim* ‘малек, наживка’; оз. *Мяндозеро*, бол. *Мяндомох*, ср. карел. *mänty*, вепс. *mänd* ‘мяндовая сосна; сосняк на болоте’.

Дифференцирующие маркеры (раздел 1.2.2.), позволяющие разграничивать вепскую и карельскую топонимию, обнаруживаются на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. К четким карельским фонетическим маркерам относятся следующие: 1) наличие удвоенных согласных, соответствующих геминатам карельского языка **kk, pp, tt** (оз. *Леннозеро* ~ оз. *Лепозеро*, ср. карел. *leppä*, вепс. *lep* ‘ольха’; мыс *Каммилнаволок* ~ оз. *Катило*, ср. карел. *kattila*, вепс. *katil* ‘котел’); 2) присутствие шипящего согласного, соответствующего карельскому сибиланту **š** (зал. *Пачелакша*, ср. карел. *lakši*, вепс. *laht* ‘залив’; зал. *Перушлахта*, ср. карел. *perše*, вепс. *perze* ‘задняя сторона, задняя часть, зад’; оз. *Шалмозеро*, руч. *Шалмручей*, ср. карел. *šalmi*, вепс. *salm* ‘пролив’); 3) усвоение прибалтийско-финского звука **h**, который при переходе в русское употребление карельских названий передается рус. **х**, при усвоении вепских названий обычно переходит в рус. **г** (оз. *Хабозеро* ~ оз. *Габозеро*, ср. карел. *huaba*, вепс. *hab* ‘осина’); 4) особенность передачи карельского дифтонга **ie / iä** русским **и** (дер., оз. *Вурозеро*, ср. карел. *vierä, viärä*, вепс. *vär* ‘кривой, изогнутый’; дер. *Рим* / *Римская* / *Римова*, уг. *Малое* / *Большое Римова*, ср. карел. *räme, rieme, riemi*, вепс. *rämik, rämeğišt* ‘болото, поросшее чахлым лесом’), тогда как вепсский **ä**, как правило, передается русским **я** [’а] или **е**

[’э] (ср. зафиксированные на вепсской территории топонимы *Рямручей*, *Ремручей*, *Ряменский Мох*⁶).

Дифференцирующим маркером, позволяющим отнести ряд географических названий к вепсскому источнику, является суффиксальная *-l*-овая модель. Прибалтийско-финский локативный суффикс *-l* присутствует в ряде ойконимов, образованных от прибалтийско-финских антропонимов и идентичных представленным на исконных вепсских территориях в Присвирье (*дер. Вачелово / Вачалово*, ср. карел. *Vatsa, Vatsei, Vatsi, Vatso(i), Vatsei, Vatsoi* – рус. Василий, Вася⁷; *дер. Кургилово / Курдилово*, ср. приб.-фин. *Kurki, Kurg* ‘журавль’; *дер. Дешалово*, ср. карел. *Deša, Dešoi* – рус. Ефим⁸).

Наличие в местной топонимии типовых вепсских и карельских географических терминов, топооснов и моделей именования географических объектов, свойственных каждой топорсистеме в отдельности, также позволяет дифференцировать топонимический материал территории. Так, вепсские истоки имеют названия, в основе которых отразились географические термины *пуганда* ‘место с быстрым течением и камнями на реке; стремнина; узкое русло с быстрым течением’⁹, ср. вепс. **pugand* ‘узкое с быстрым течением место в реке’¹⁰ (*пороги Пуганда, Верхняя и Нижняя Пуганда, Житная Пуганда, Извозная Пуганда, Мегренпуганда*); *кара* ‘залив на реке или озере’¹¹, ср. вепс. *kar, kara* ‘залив, бухта’ (*уг. Гажья Кара, уг. Кобылья Кара, зал. Карелахта*).

К продуктивным вепсским топоосновам, представленным в топонимии исследуемой территории, относится основа *Сара*, ср. вепс. *sar, sara*

⁶ Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. – С. 70–71.

⁷ Nissilä, V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. – 1. – Helsinki: Etelä-Saimaan Kustannus Oy, 1976. – S. 138.

⁸ Научная картотека топонимов Карелии (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

⁹ Научная картотека топонимов Карелии (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

¹⁰ Муллонен, И. И. Очерки вепсской топонимии. – СПб: Наука, 1994. – С. 60.

¹¹ Мамонтова, Н. Н., Муллонен, И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. – С. 43.

‘развилина, разветвление (дороги, реки, ручья)’¹², используемая в названиях рек, ручьев и расположенных вдоль них угодий (*р. Сара, р. Матсара, руч. Саручей, зал. Сарлахта, плес Сараплесо, бол. Сармох, р., уг. Габсара, уг. Риксара, Саранивы, Саражи*), а также основа *Palte / Палтега*, ср. вепс. *palte* < **palteg* < **palttek* ‘склон, косогор’¹³, зафиксированная в названиях угодий, расположенных на возвышенностях (*уг. Палтега, уг. Палтеги, уг. На Палты, уг. Палтяжная Гора*).

К характерным для карельской топонимии и отмеченным на обозначенной территории относится топонимная модель *Törisijä / Терез-*, образованная от карельского глагола *töristä* ‘журчать’¹⁴ и широко использовавшаяся для названия порожистых ручьев и небольших рек (*пор. Терез, руч. Тереш / Терез / Черезишный, руч. Терижий / Терюжейко, р., мельница Терезиха / Черезиха*); а также топонимная модель *Jylmäkkö / Юлмаки*, ср. карел. *jylmä, jyltu* ‘круглая гора, крутой склон’¹⁵, отразившаяся в наименованиях возвышенностей и угодий, расположенных на возвышенных местах (*уг. Гульмики, уг. Под Гульмяками, бол. Гульминское, зал., уроч. Дульметка, уг. Гульмяки, уг. Юльмяки, уг. Лужные Юльмяки*).

В разделе 1.3. «Структурные типы субстратной топонимии Восточного Обонежья» устанавливается, что названия прибалтийско-финского происхождения представлены основными структурными типами, характерными для субстратной топонимии Русского Севера: 1) собственно субстратными топонимами с субстратными основой и формантом (*р. Илекса, р. Отовжа, р. Сомбома, р. Ундоша, р. Вискинда, р. Чаженга*); 2) топонимами-полукальками с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (*о. Валгостров, бол. Вахкамох, г. Венегора, оз. Корбозеро, руч. Равдручей*); 3) топонимами с субстратной

¹² Мамонтова, Н. Н., Муллонен, И. И. Указ. соч. С. 88.

¹³ Муллонен, И. И. Формирование диалектной карты карельского языка в контексте карело-вепского контактирования // *Karelia written and sung. Representations of locality in Soviet and Russian contexts* [Текст]. – Kikumora Publications Aleksanteri Series 3/2010. – Jyväskylä: Bookwell, 2010. – С. 22.

¹⁴ Кузьмин, Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // *Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003»*. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. – С. 307.

¹⁵ Мамонтова, Н. Н., Муллонен, И. И. Указ. соч. С. 33.

основой и русскими аффиксами (*р. Тамбица, руч. Хайновец, р. Черезжиха, оз. Артово*). Господствующим типом (более половины из рассмотренных топонимов) являются топонимы-полукальки – названия, возникшие в результате адаптации сложных по структуре прибалтийско-финских топонимов к русскому употреблению, когда основной компонент, выраженный географическим термином, переводился соответствующим русским словом, а атрибутивный элемент сохранялся непереуведенным: **Kivi/järvi* > *Кивозеро*. Популярность названий такого типа доказывает прибалтийско-финское прошлое территории, поскольку данная структурная модель именования географических объектов была перенесена в русскую систему топонимобразования в результате обрусения прибалтийско-финского населения Восточного Обонежья.

Основной целью лексико-семантического и этимологического анализа субстратных прибалтийско-финских топонимов Восточного Обонежья (раздел 1.4. «Лексико-семантическое своеобразие субстратной прибалтийско-финской топонимии Восточного Обонежья») стало выявление типовых топооснов прибалтийско-финского происхождения, представленных в топонимии территории. Известно, что каждый исторический этап развития определенного этноса характеризуется своими особенностями материальной и духовной культуры¹⁶, что находит отражение и в названиях географических объектов. Анализ топонимического материала позволил выявить 8 групп лексики («Ландшафт», «Флора», «Фауна», «Квалитативные топоосновы», «Положение объекта в пространстве», «Человек», «Хозяйственная деятельность и промыслы», «Духовная культура»), использовавшейся в образовании географических названий территории.

Самой представительной (46 из 187 рассматриваемых топооснов) является лексико-семантическая группа, характеризующая особенности природного ландшафта, используемые человеком для организации поселений и хозяйственной деятельности (*дер. Коскосалма*, ср. карел. *koski, koški*, вепс.

¹⁶ Агеева, Р. А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985. – С. 65.

košk ‘порог’; оз. *Рандозеро*, руч., бол. *Рандручей*, ср. карел. *ranta, randa*, вепс. *rand* ‘берег’; оз., дер. *Салмозеро*, руч. *Салмручей*, оз. *Шалмозеро*, руч. *Шалмручей*, ср. карел. *šalmi, salmi*, вепс. *salm* ‘пролив’).

Среди обозначений пород деревьев распространенными являются как типичные для региона хвойные (оз. *Педозеро*, ср. карел. *pedäjä, pedäi, pedei*, вепс. *pedai* ‘сосна’; оз. *Мяндозеро*, ср. карел. *mänty, mändy*, вепс. *mänd* ‘мяндовая сосна; сосняк на болоте’; оз. *Гонгозеро*, ср. карел. *honka, hongga*, вепс. *hong* ‘сосна’), так и лиственные, помечающие наиболее плодородные почвы (оз. *Лепозеро*, ср. карел. *leppä*, вепс. *lep* ‘ольха’; мыс, уг. *Габнаволок*, ср. карел. *hoara, hoaba, haaba*, вепс. *hab* ‘осина’; уг. *Нинсельга / Нимсельга*, ср. карел. *niini*, вепс. *niin* ‘липа’). Из травянистых растений в топонимии закрепились названия лишь тех, что использовались в хозяйственных целях (зал. *Кижимлахта*, ср. карел. *kiidžin (kiidžimen-)* ‘озерный мох, который использовали для мшения построек’¹⁷; оз. *Рогозеро*, ср. карел. *ruoko*, вепс. *rogo* ‘(озерный) тростник, камыш, рогоз’).

Топонимы с названиями птиц и диких животных в своей основе не столь продуктивны на территории Восточного Обонежья. Данный факт может объясняться тем, что многие из прибалтийско-финских названий могли быть переведены на русский язык. Среди диких животных, названия которых наиболее частотны в топонимии региона, выделяются лось (зал., уг. *Ирлахта*, пор. *Хирбой*, ср. карел. *hirvi* ‘лось’), медведь (руч. *Кондеручей / Кондиручей*, уг. *Кондиполе*, ср. карел., вепс. *kondi* ‘медведь’), барсук (мыс *Мегренаволок*, пор. *Мегренуганда*, ср. карел. *mägrä*, вепс. *mägr* ‘барсук’).

Названия домашних животных представлены главным образом в микротопонимии и связаны с местами, пригодными для выпаса скота, или со случаями, произошедшими со скотом в определенных местах (мыс *Ойнаснаволок*, ср. карел. *oinas*, вепс. *oinaz* ‘баран’; оз. *Хергозеро*, ср. карел. *härkä, härgä*, вепс. *härg* ‘бык’; о., уг. *Ламбасостров*, ср. карел. *lammas*, вепс. *lambaz* ‘овца’).

¹⁷ Turunen, A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. – I. Konsonantit. – Helsinki: SUS, 1946. – S. 201.

Среди названий птиц наиболее распространены «ворона» и «гагара» (дер. *Варишпельда*, зал. *Варишлахта*, ср. карел. *varis, variš*, вепс. *variš* ‘ворона’; оз. *Куйкозеро*, о., зал., мыс *Куйка*, ср. карел. *kuikka, kuikku* ‘гагара’).

Наиболее частотными являются топоосновы гидронимов, в которых присутствуют названия рыб, что, вероятно, указывает на важную роль рыболовства в жизни местного населения (оз. *Вагнозеро*, ср. карел. *ahven*, вепс. *ahne, ahven, ahn* ‘окунь’; оз. *Гавгозеро*, ср. карел. *hauki, haugi*, вепс. *haug* ‘щука’; оз. *Лагнозеро*, ср. карел. *lahna*, вепс. *lahn* ‘лещ’; оз. *Сяргозеро*, ср. карел. *särki, särgi*, вепс. *sär’g* ‘плотва’).

Важными для номинации в субстратной топонимии оказываются параметры объектов – форма (оз. *Вирозеро*, ср. карел. *vierä, viärä*, вепс. *vär* ‘кривой, изогнутый’), размер (оз. *Пичозеро*, ср. вепс. *piču, pičuin’e* ‘маленький’) и их свойства – цвет (руч. *Мустручей*, ср. карел. *musta, mišta*, вепс. *must* ‘черный’), звук (руч. *Тереж / Тереш / Терешручей*, ср. карел. *törisijä* ‘журчащий’), температура (руч. *Кильручей*, ср. карел. *kylmä* ‘холодный мерзлый’, вепс. *kylm* ‘мерзлый’).

Положение объекта в пространстве по отношению к более крупному объекту, основному руслу реки, движению по маршруту также является значимым параметром для его характеристики. В субстратной топонимии номинируются «верхние» объекты (оз. *Ладвозеро*, ср. карел. *latva, ladva, ladv* ‘верховье; исток реки, ручья’, вепс. *ladv* ‘вершина, верхушка, макушка (дерева)¹⁸), «боковые» (оз. *Лапозеро*, зал., уг. *Лапилахта*, ср. карел. *lappie*, вепс. **lart* ‘край, бок, сторона’), а также «задние» (зал., дер. *Першлахта*, уг. *Ближняя / Дальняя Реперзя*, ср. карел. *perse, perše*, вепс. *perze* ‘задняя сторона, задняя часть, зад’).

В лексико-семантической группе «Человек» представлены названия, образованные от личных имен (дер. *Дешалово*, ср. карел. *Deša, Dešoi* – рус. Ефим; оз., уг. *Хилкина поляна*, зал. *Хилкинская лахта*, ср. карел. *Hilkka*,

¹⁸ Мамонтова, Н. Н., Муллонен, И. И. Указ. соч. С. 53.

Nil(k)ko(i), *Nil'(k)ko(i)* – рус. Филипп¹⁹), а также топонимы, содержащие указание на социальную, возрастную группу и степень родства (*оз. Акозеро, руч. Акручей*, ср. карел. *akka* ‘жена, старая женщина’, вепс. *ak* ‘женщина, жена, старуха’; *оз. Пойгозеро, руч., уг. Пойкручей*, ср. карел. *poika*, вепс. *poig* ‘сын, мальчик’; *мыс Папиनावолок*, ср. карел. *rappi* ‘батюшка, поп, священник’, ср. также прозвище *rappi*, бытующее в карельских деревнях и характеризующее человека небольшого роста²⁰).

В топонимии Восточного Обонежья выделяется группа названий, в которых нашла отражение лексика, связанная с хозяйственной и промысловой деятельностью местного населения: названия видов сельскохозяйственных угодий (*оз. Каскозеро, руч. Каскручей*, ср. карел. *kaski*, *kaški*, вепс. *kas'k* ‘подсека, пожог’; *оз. Кедозеро*, ср. карел. *keto*, *kedo* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’; *уг. Нитушки*, ср. карел. *niitty*, вепс. *nit* ‘луг, пожня, покос’); хозяйственных построек и сооружений (*оз. Айтозеро*, ср. карел. *aitta*, вепс. *ait* ‘амбар’; *оз. Ригозеро*, ср. карел. *riihi*, вепс. *rih* ‘рига’); обозначения мест, где замачивали лен или гнали смолу (*оз. Лыгозеро, о. Лигостров*, ср. карел. *liko*, *ligo*, вепс. *ligo* ‘мочило (место замачивания льна)’; *оз. Верхнее / Нижнее Тервозеро, мыс, дер. Тырनावолок*, ср. карел. *terva*, вепс. *terv* ‘смола’); названия рыболовных снастей (*оз. Нотозеро, о., уг. Нотостров*, ср. карел. *nuotta*, вепс. *not* ‘невод’).

Хорошо сохранившаяся лексика земледелия и животноводства, отраженная в топонимии Восточного Обонежья, вопреки укоренившемуся мнению о том, что земледелие пришло на Русский Север с потоком славянского освоения, доказывает обратное – прибалтийско-финские насельники края были не только охотниками и рыбаками, но и земледельцами.

В топонимии Восточного Обонежья выделяется также ряд географических названий, связанных с некоторыми религиозно-

¹⁹ Nissilä, V. Op. cit. S. 114.

²⁰ Научная картотека топонимов Карелии (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

мифологическими воззрениями насельников края (оз. *Малое / Большое Лембозеро*, ср. карел. *lembo(i)*, вепс. *lemboi* бран. ‘черт’; оз. *Нойдово*, руч. *Нойдовский*, ср. карел. *noita, noitu* ‘колдун, колдунья’, вепс. *noid* ‘колдун, колдунья’).

Ареальный анализ и картографирование географических названий позволили отнести ряд топооснов к разным языковым источникам и выявить пути их распространения в Восточное Обонежье. Карельские топоосновы (*Kuad- / Kaatio- / Кадь- / Камь-* ‘кальсоны’; *Törisijä / Терез-* ‘журчащий’, *Jylmäkkö / Юлмаки* ‘круглая гора, крутой склон’) приходят на восточное побережье Онежского озера из Северо-Западного Приладожья северным путем, через северное побережье Онежского озера, топоосновы, продуктивные на вепсских территориях (*Лан-* ‘боковой’, *Ѓиһи* ‘конек крыши’, **Ѓиһак ~ Ѓиһлак* ‘холм, горка’), связывают Восточное Обонежье с более южным вепсским ареалом. Отдельные топонимные модели (*Пел- / Пял- / Пил-*) тяготеют к более восточным и юго-восточным территориям, указывая на доприбалтийско-финское прошлое края. В целом это свидетельствует о транзитном положении исследуемого региона (что объясняется его географическими особенностями – расположением вдоль водного пути, по которому проходили разные этнические потоки, принося свои модели именования), а также о более раннем, относящемся к рубежу I–II тысячелетий н. э., появлении здесь населения вепсского типа и о более поздней, связанной с волной массовых переселений XVI–XVII вв., карельской странице в истории освоения Восточного Обонежья.

Глава 2 «Интеграция субстратной прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья» посвящена описанию адаптационных механизмов в области фонетики, морфологии и лексико-семантических отношений, позволивших субстратной прибалтийско-финской топонимии интегрироваться в русскую систему именования географических объектов.

В разделе 2.1. «Фонетическая адаптация прибалтийско-финских топонимов к русской топонимической системе Восточного Обонежья» устанавливается, что процессы, связанные с фонетической адаптацией гласных (раздел 2.1.1.) и согласных (раздел 2.1.2.), вызваны, в первую очередь, различным звуковым составом контактировавших языков, в частности, отсутствием русских соответствий для ряда прибалтийско-финских звуков и особенностями передачи последних средствами русского языка.

Выявленные фонетические закономерности способствуют пониманию того, как и когда происходили прибалтийско-финско-русские языковые контакты на исследуемой территории. Так, отсутствие убедительных примеров соответствия прибалтийско-финскому краткому *a* – русского *o* на территории Восточного Обонежья свидетельствует о довольно позднем прибалтийско-финско-русском взаимодействии. Здесь прибалтийско-финскому краткому *a* соответствует русский *a* (оз. *Лагнозеро*, ср. карел. *lahna*, вепс. *lahn* ‘лещ’; оз. *Лактозеро*, ср. карел. *lahti*, вепс. *laht* ‘залив’, оз. *Салмозеро*, ср. карел. *salmi*, вепс. *salm* ‘пролив’).

Ряд явлений отражает изменения в фонетической системе прибалтийско-финских языков и связан со временем усвоения субстратной топонимии русским населением. Передача прибалтийско-финского *ï* русским *y* (уг. *Кутёкса*, ср. карел. *kytö*, *kytös*, *kydös* ‘подсека или пашня на болотистом месте’) предполагает более ранний этап контактов по сравнению с соответствием прибалтийско-финскому *ï* русского *ю* [(j) 'y] (уг. *Юльмяки*, уг. *Лужные Юльмяки*, ср. карел. *jylmäkkö* ‘круглая гора, крутой склон’), которое отражает более позднее появление йотирования, свидетельствующее об изменении качества переднерядных в вепсской фонетике²¹. Хронологическую обусловленность имеет и соответствие прибалтийско-финскому *e* русского *a* (оз. *Хайнозеро*, руч. *Хайновец* / *Хаймовец*, уг., зал. *Гайлахта*, мыс *Гайнаволок*, ср. карел. *heinä*, вепс. *hein* ‘трава, сено’);

²¹ Муллонен, И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. – С. 60–61.

р., оз. *Падрица*, бол. *Падрицкий Мох*, ср. карел. *petra, pedra, pedr*, вепс. *pedr* ‘дикий олень’): варианты с *a* являются более архаичными, отражающими древний вокализм, варианты с *e* – более поздними²². Часть явлений характеризует диалектные особенности севернорусских говоров – передача субстратного *ä* русским *e* [’э]²³ (пор. *Мегренуганда*, руч. *Мегренский*, бол. *Мегренский Мох*, мыс *Мегренаволок*, ср. карел. *mägrä*, вепс. *mägr* ‘барсук’; оз. *Хергозеро*, ср. карел. *härkä, härgä*, вепс. *härg* ‘бык’). Другие же приобретают функцию дифференцирующих маркеров, позволяющих возвести географические названия к языку-источнику, – преобразование карельского дифтонга *ie / iü* в русский *и* (оз., дер. *Вурозеро*, руч. *Вурручей*, руч. *Вуроручей*, ср. карел. *vierä, viürä*, вепс. *vär* ‘кривой, изогнутый’; мыс *Литянаволок*, зал. *Литялахта*, ср. карел. *liete*, вепс. *lete* ‘песок; низкий песчаный берег’), передача вепсского *ä* русским *я* [’а] или *e* [’э] (*Рямега*, *Рямручей*, *Ремручей*, *Ряменский Мох*, ср. карел. *räme, rieme, riemi*, при вепс. *rämik, rätmegišt* ‘болото, поросшее чахлым лесом’).

Анализ фонетических явлений в области согласных звуков, зафиксированных в топонимии исследуемой территории, показал, что некоторые из них вызваны ассимилятивно-диссимилятивными процессами, характерными для собственно прибалтийско-финских языков или возникшими на русской почве в силу фонетических особенностей севернорусских говоров (альтернация *л // р*: о. *Олехостров // Орихостров*, ср. карел., вепс. *orih, oreh* ‘жеребец, конь, мерин’; руч., уг. *Рандручей // Ландручей*, ср. карел. *ranta, randa*, вепс. *rand* ‘берег’). Отдельные альтернации объясняются неустойчивым характером ряда прибалтийско-финских согласных: взаимозаменяемость прибалт.-фин. *v // b* (уг. *Вадега*, бол., уг. *Вадеги // уг. Бадеж* < вепс. **vadag* ‘покос на болотистом месте’²⁴,

²² Матвеев, А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – С. 73; Макарова, А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. – С. 34–35.

²³ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. – М.: Наука, 1970. – С. 17.

²⁴ Муллонен, И. И. Очерки вепсской топонимии. – СПб: Наука, 1994. – С. 64.

ср. вепс. *varb* // *barb* ‘ветка, сучок дерева или куста’, *varbas* // *barbas* ‘палец ноги’); исчезновение прибалтийско-финского *h* в начале слова (з., уг. *Иргора*, зал., уг. *Ирлахта*, руч. *Иручей*, ср. карел. *hirvi* ‘лось’) или переход его в *j* (руч., уг. *Еборучей*, руч. *Еворучей*, руч. *Евручей*, уг. *Ебисельга*, ср. карел. *hero*, *hebo*, вепс. *hebo* ‘лошадь’). За ареальной дистрибуцией русских соответствий (*x* и *z*) прибалтийско-финского *h* в позиции начала слова (оз. *Хабозеро*, р. *Хабанзя* // *мыс*, уг. *Габнаволок*, зал. *Габлахта*, оз. *Габозеро*, о. *Габостров*, пор. *Ганпорог*, руч. *Габручей*, р., уг. *Габсара*, уг. *Габсельга*, ср. карел. *hoara*, *hoaba*, *haaba*, вепс. *hab* ‘осина’), видимо, стоят разные языковые источники (карельский и вепсский) и, соответственно, разное время усвоения географических названий. Более поздний карельский *h* передается русским *x*, тогда как более раннему неустойчивому вепсскому *h* соответствует русский *z*. Данное обстоятельство позволяет дифференцировать вепсскую и карельскую по происхождению топонимию.

Морфологическая адаптация рассматривается в разделе 2.2. «Морфологическая адаптация прибалтийско-финских топонимов к русской топонимической системе Восточного Обонежья». Указанный вид адаптации представлен, главным образом, суффиксацией – включением иноязычных названий географических объектов в русскую топонимическую систему с помощью ограниченного набора русских топообразующих формантов: *-ица / -ец* (р. *Горменица / Хорменица*, зал., *мыс Мутовец*, з. *Мигрец*), *-ов / -ев*, *-ин* (оз., уг. *Артово*, уг. *Пирхово*, оз. *Хомино*), *-ичи / -ицы* (дер. *Коркила / Коркиничи*, дер. *Пытилова / Пытилиницы*, дер. *Гольяницы*). При этом выявляется прямая зависимость продуктивности данного вида адаптации от территориальных и хронологических рамок бытования определенных топоформантов. Так, продуктивность одной из древних славянских суффиксальных моделей *-ица / -ец*, использовавшейся для адаптации субстратной топонимии к русской топонимической системе в Восточном Обонежье, неодинакова: ареал функционирования охватывает территории, расположенные вдоль водно-волоковых путей (путей относительно раннего новгородского освоения), в

отдалении от которых рассматриваемые суффиксы не обнаруживаются. Анализ показал, что суффиксальные модели оказались малопродуктивными в ходе адаптации иноязычных наименований к русской топонимической системе. Суффиксации подверглись прежде всего ойконимы (*дер. Кургилово, дер. Дешалово, дер. Гольяницы*) и потамонимы (*р. Горменица / Хорменица, р. Падрица*) как наиболее важные объекты на этапе славянского освоения региона. Это свидетельствует о том, что суффиксация в большей степени связана с процессом заимствования, а не субстратных отношений.

Явлению калькирования как виду лексико-семантической адаптации посвящен раздел 2.3. «Лексико-семантическая адаптация прибалтийско-финских топонимов к русской топонимической системе Восточного Обонежья». В топонимии исследуемой территории калькирование представлено тремя основными видами: 1) полукальками; 2) полными кальками; 3) метонимическими кальками. Полукальки являются самым продуктивным способом адаптации, характерным для периода активного межэтнического контактирования (*Валгостров, Вахкамох, Венегора, Габнаволок*). Полные кальки, свойственные периоду двуязычия населения, отразились в средневековых письменных источниках («Дер. на Медвежье наволоке слово на Конде наволоке Мелешкин след Карпова...»²⁵, ср. вепс. *kondi* ‘медведь’; «Дер. на Воронье поле слово в Вариш-палды Харитонков след да сына его Михалка да Лавра...»²⁶, ср. вепс. *variš* ‘ворона’, *peld, rōud, rüud* ‘поле’). Наличие метонимических калек предполагает ситуацию параллельного функционирования оригинального иноязычного названия и его русской кальки, относящихся к смежным объектам (соседние притоки р. Черная – *руч. Кобылий* и *руч. Евручей / Еворучей*, ср. карел. *hepo, hebo*, вепс. *hebo* ‘лошадь’; впадающий в оз. Большое Черное ручей *Мустручей*, ср. карел. *musta, mišta, mustu*, вепс. *must* ‘черный’).

²⁵ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1930. – С. 174.

²⁶ Там же. С. 175.

Одним из видов лексико-семантической адаптации является приобретение новой мотивировки (раздел 2.3.4), или народная этимология. Данный вид адаптации относится к более позднему времени (по сравнению с калькированием), когда русское народное языковое сознание в стремлении объяснить ставшее непонятным название придает субстратному топониму новую мотивировку. Семантическому переосмыслению подвергались субстратные топонимы, созвучные с приемлемыми для именованя лексемами русского языка (*пор. Сахарпорог, руч. Сахарручей*, ср. с карел. *sagarvo, sagarmo*, вепс. *sagarm, sagarv* ‘выдра’).

В **Заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные выводы, касающиеся бытования субстратной прибалтийско-финской топонимии в Восточном Обонежье и процесса ее интеграции в русскую топосистему. На основе ареально-типологического анализа устанавливаются хронологические рамки бытования отдельных топонимных моделей, присутствующих в рассматриваемой топонимии, и их этноязыковые истоки, что служит доказательством важной роли моделей как в формировании топосистемы региона, так и в изучении этноисторических процессов исследуемого ареала.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора.

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Захарова, Е. В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова // Труды КарНЦ РАН. – № 4: Гуманитарные исследования. – Вып. 3. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. – С. 185–190.

2. Захарова, Е. В. Славянские суффиксы в субстратной топонимии Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 1. – С. 62–65.

3. Захарова, Е. В. О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 34–49.

Публикации в других научных изданиях:

4. Захарова, Е. В. Полукальки в топонимии Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: сб. науч. ст. / под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. – С. 122–131.

5. Zaharova, J. Itämerensuomalaisia jälkiä Äänisen itärannikon venäläisessä paikannimistössä [Text] / J. Zaharova // Tutkielmia vähemmistökielistä Jäämereltä liivirantaan / Vähemmistökielten tutkimus- ja koulutusverkoston raportti V. Toim. O. Haurinen, H. Sulkala. – Oulun yliopisto. – Oulu: Oulu University Press, 2006. – S. 30–36.

6. Захарова, Е. В. Прибалтийско-финский субстрат в топонимии Колодозерья [Текст] / Е. В. Захарова // Вопросы ономастики. – 2008. – № 2 (6). – С. 64–74.

7. Захарова, Е. В. Ландшафтный термин «пахта» в топонимии Каргополя [Текст] / Е. В. Захарова // Уралистика: материалы ХLI Международной филологической конференции (СПб., СПбГУ, 26–31 марта 2012 г.) / под ред. Н. Н. Колпаковой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 26–30.

8. Захарова, Е. В. Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова, И. И. Муллонен // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (Каргополь, Крагопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 14–16 августа 2012 г.) / науч. ред. Н. И. Решетников; сост. Н. И. Тормосова. – Каргополь: Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 2012. – С. 146–154.

9. Захарова, Е. В. Многослойная топонимия Кенозерья [Текст] / Е. В. Захарова, И. И. Муллонен, // Кенозерские Чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сб. материалов V Международной научно-практической конференции / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». – Архангельск: Нац. парк «Кенозерский», 2012. – С. 152–162.

10. Захарова, Е. В. Лексико-семантическая характеристика прибалтийско-финской топонимии Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова // Материалы конференции «Прибалтийско-финские языки, культуры и *genius loci*», посвященной 75-летию юбилею Гийта-Рейна Вийтсо (Тарту, Тартуский ун-т, 7–8 марта 2013 г.). – Тарту: Тартуский университет, 2013. – С. 107–110.

11. Захарова, Е. В. Суффиксация как способ адаптации субстратных топонимов к русской топонимической системе Восточного Обонежья [Текст] / Е. В. Захарова // Уралистика: материалы XLII Международной филологической конференции (СПб., СПбГУ, 11–16 марта 2013 г.) / под ред. доц. Н. Н. Колпаковой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 34–39.

12. Захарова, Е. В. Вепское прошлое Восточного Обонежья по данным топонимии [Текст] / Е. В. Захарова // Вепские ареальные исследования: сб. статей. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – С. 144–155.

13. Захарова, Е. В. Качественные топоосновы субстратного прибалтийско-финского происхождения в Восточном Обонежье [Текст] / Е. В. Захарова // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. – С. 17–19.

14. Zakharova, E. Geographical terms of Finnic substrate origin in the toponymy of Eastern Obonezh'e [Text] / E. Zakharova // ESUKA – JEFUL Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri: Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. Special issue Papers from the conference "Finnic Languages, Cultures,

and Genius Loci” (Tartu, University of Tartu, 7–8 March, 2013) / ed. by
M. Arukask, E. Saar. – Vol. 6. – № 1. – Tartu: University of Tartu, 2015. – P. 75–
89.